

*Флоранс, Мехди и священной оливе,
навсегда их соединившей*

Замочная скважина заржавела, ключ в ней не поворачивается. Мужчине возле меня приходится на него надавить, потом вытащить и попробовать снова. Здесь тоже страшная жара. Не так жарко, как в городе или на равнине, но температура все же под тридцать градусов. Мужчина вздыхает, на мгновение задумывается, потом легонько толкает дверь плечом, поворачивая ключ. Раздается щелчок, тяжелая деревянная створка с облупившейся краской поддается и уходит внутрь, в темноту и прохладу.

Дом не открывали, наверное, несколько месяцев. В нем слегка пахнет затхлым, но прохлада сглаживает неприятное впечатление. По ощущению, внутри градуса двадцать два, не больше. Вот и хорошо. Я слышу, как мужчина ставит на пол свой портфель из искусственной кожи. Звякают ключи. Он убирает их в карман штанов.

— Выключатель ищу, — поясняет он.

Я смиренно жду в темной прихожей. Ничего другого мне не остается. Ожидание стало моей второй натурой

с вечера 21 июня. Моим единственным занятием. Он пыхтит. От жары? Или ему трудно искать ощупью? Я ему не помогаю. Мне это и в голову не приходит. Я жду.

В доме с толстыми стенами время течет неопределенно. Я отмечаю отсутствие соседей и тишину. Это тоже хорошо.

— Вот он. Извините.

Внезапно загорается свет. Агент по недвижимости утирает лоб, виновато улыбается. Он уверен, что я сейчас отсюда сбегу. Лампочка светит тускло, воздух в доме спертый, дверь открывается с трудом — наверное, дерево разбухло... Но я не убегаю. Я разглядываю сумрачный коридор без окон, в котором оказалась. Красно-коричневая плитка. Белые стены. Плинтусы из темного дерева. Картина с изображением каменной церкви.

Он шуришит бумагой. Вытаскивает свои записи, перечитывает их. Никак не найдет. Снова утирает взмокший лоб. Я не двигаюсь. Ни о чем не спрашиваю. Он сам скажет. Или нет. Неважно.

— Дом тысяча девятьсот сорокового года. Фасад десять лет назад заново оштукатурили. Крышу перекрывали в прошлом году.

Мне кажется, он доволен. Наверное, это ударный аргумент. Невидящим взглядом я уставилась на картину с церковью.

— Площадь шестьдесят квадратных метров. Дверь справа от вас ведет в спальню, слева — в ванную.

Он вытягивает руку, пристально смотрит на меня. Через несколько секунд до меня доходит, что он предлагает мне сдвинуться с места, пройти несколько шагов и толкнуть правую дверь. Я медленно соображаю. В конце концов он, снова виновато улыбнувшись, шагает вперед.

Эта дверь открывается легче. Слегка скрипит. Его шаги удаляются, делаются тише. Я догадываюсь, что там ковровое покрытие.

— Сейчас открою ставни.

Я жду. Слышу, как он поворачивает ручку. Негромкий скрип. Узкая полоска света. Он нажимает сильнее, и на этот раз скрип отчетливый. Еще секунда, и в комнату врывается солнечный луч. В нем беспечно пляшут пылинки. Я вижу, что на полу и в самом деле ковровое покрытие, того же красно-коричневого цвета, что и плитка в коридоре. Вижу кровать. Она большая, с массивным изголовьем из темного дерева. Старомодный шкаф, высокий, деревянный, некрашенный. Больше ничего. Только необходимое. Меня это устраивает. Я ни о чем не прошу. Кроме тишины и прохлады и чтобы поменьше солнца.

— Окно выходит на восток. Если вы ранняя пташка, сможете видеть, как солнце встает над лесом.

Он же не знает, что я не собираюсь открывать ставни. Останусь в темноте.

— У вас есть вопросы?

— Нет.

Удивлен ли он этим? Я не всматриваюсь в его лицо. Просто жду, пока он закончит, чтобы получить ключи и запереться.

Мы снова выходим в коридор. На этот раз — левая дверь. Все повторяется. Скрипят ставни, впуская свет. Старомодная ванна ужасного лососевого цвета. Биде. Кто-то еще им пользуется? Раковина. Несколько полотеч.

— Надо подождать какое-то время, пока вода стечет. Ее давно отключили. Думаю, поначалу она будет желтоватая.

Желтая вода. Прозрачная вода. В общем, вода.

Когда мы снова выходим в коридор, свет мигает. Надо поменять лампочку. Он толкает последнюю дверь, покашливает. Наверное, там полно пыли. После щелчка выключателя проходит несколько секунд до появления тусклого света. Кухня в том же стиле, что и все остальное: темная плитка, темная деревянная мебель, розовато-оранжевые обои с белым растительным узором. Открывается окно, потом ставни, впуская воздух посвежее. Я щурюсь от яркого света. Невыносимое солнце. Синее небо оскорбительно. Он начинает говорить, и я отворачиваюсь от окна. Хочу вернуться в темноту и прохладу.

— Как вы можете видеть, у прежней владелицы был сад. Он заброшен, но, если у вас будет такое желание, можно вскопать землю и восстановить его.

Он умолкает. Кажется, глядит на меня.

— Вы не смотрите? Мадам, вам нехорошо? Вы боитесь света?

— Мигрень.

— Извините. Сейчас закрою.

Я признательна ему за это. Он продолжает, убежденный, что делает все необходимое для того, чтобы подписать договор сегодня же.

— Прежде дом принадлежал старой даме. Она скончалась три года назад. С тех пор в доме никто не живет... Не то чтобы он был в плохом состоянии, напротив, дочь этой дамы очень о нем заботится, она живет на другом конце Франции, но раз в год приезжает и что-нибудь приводит в порядок. Вот, например, в прошлом году перекрыла крышу...

Я уже почти не слушаю, но он этого не замечает.

— Нет, проблема в том, что люди не хотят жить в сельской местности. Так повсюду. Овернь теперь мало кого привлекает.

— Мебель останется?

Он кивает, не слишком обижаясь на то, что его прервали.

— Конечно. Все останется. Дочь мадам Юг, прежней владелицы, захотела сохранить интерьер и личные вещи. Возможно, намеревается когда-нибудь здесь поселиться... Например, когда выйдет на пенсию. Вещи наверху, на чердаке. Все убрано в коробки, но, если они вам помешают, я могу с ней связаться...

— Они мне не помешают.

Он с довольным видом потирает руки.

— Может быть, хотите еще раз пройти по дому, все осмотреть?

— Нет. Мне достаточно.

— Может быть, сад...

— Я спешу.

— А...

— Мы могли бы подписать бумаги сейчас?

Я вижу, что он опешил. Не ждал такой легкой победы. Он три года не мог сбыть с рук этот дом. Единственный показ — и готово дело.

— Вы уверены?

Он сам не ожидал, что спросит об этом, по лицу видно.

— Да.

— Что ж, в таком случае... Да, бумаги у меня в машине, но... мне потребуются подтверждающие документы.

Не дожидаясь, пока он договорит, я лезу в сумку. У меня все готово, все аккуратно разложено, каждый документ в отдельном файлике. Налоговое уведомление, последние справки о зарплате, бумага от нотариуса насчет завещания и причитающейся мне суммы, мое удостоверение личности.

— О, у вас все с собой? Отлично!

Мы устраиваемся за кухонным столом, чтобы заполнить арендный договор и заняться прочими формальностями.

— Вы разожгли мое любопытство.

Мне требуется несколько секунд, чтобы осознать, что агент обращается ко мне, и увидеть, что он разобрался с бумагами и теперь разглядывает меня, сложив руки на столе.

— Простите?

— Вы местная?

— Нет. Я раньше жила в пригороде Лиона.

— И у вас здесь нет родственников?

Качаю головой. Он причмокивает в знак удивления.

— Странная мысль для женщины поселиться одной в таком уединенном месте.

Ответа он от меня не дожидается, и разговор наш на этом заканчивается. Я возвращаю ему два экземпляра подписанного договора и синюю шариковую ручку.

— Хорошо, тогда можем перейти к акту о состоянии имущества.

Я закрываю тяжелую дверь только после того, как машина агента, доехав до конца дороги, исчезает среди густо поросших лесом холмов. Темнота, тишина, прохлада. Долго стою, прислонившись к этой деревянной двери, хочу убедиться, что он не вернется, что я наконец одна.

Я взяла с собой немного вещей. Всего один чемодан, он лежит в багажнике моей машины и может подождать. Все остальное я бросила там, особенно фотографии. Не хочу ничего, что будет напоминать о моей прежней жизни. До 21 июня, до того вечера.

Как людям это удастся? Как они могут продолжать жить точно так же, когда их мир рухнул? Через несколько дней вернуться на работу и дальше жить в той же квартире, ходить по тем же улицам... Это выше моих сил. Они оба внезапно покинули мой мир, в одну ночь, и с этого момента тот мир, в котором я двигалась, дышала, просыпалась двадцать девять лет, перестал существовать.

Ключи от квартиры я оставила Анне. Пусть поступает с ней как ей кажется правильным. Я ничего оттуда не выбрасывала. У меня не было ни времени, ни сил. Я хотела как можно скорее уйти. Все осталось как было. Наверное, травяной чай, который я пила, когда позвонили в домофон, так и стоит на кухонном столе. Наверное, каталог, который я тогда листала, так и лежит открытый рядом с чашкой, и тапки Бенжамена ждут в прихожей.

Все, чего я хотела, выйдя из больницы, это бежать от лета, от палящего солнца и веселой толпы на берегах Роны. Лучше бы они умерли зимой, ненастным вечером с проливным дождем и серо-черным небом. А не под звуки оркестров, треск петард и смех, не в первый день лета.

Я открыла дверь только после захода солнца. Несколько раз проверяла, выглядывая в щелочку между закрытыми ставнями. Дни сейчас длинные, уже поздно, наверное, около десяти вечера. Последние красные отсветы заходящего солнца меркнут и растворяются в серо-голубом

вечернем небе. Я разгружаю багажник. Мой чемодан на колесиках с глухим стуком падает на гравий. Мне кажется, что каждый мой шаг отдается очень громко. Я впервые слышу такую плотную, весомую тишину. Такое впечатление, что лес полностью меня поглотил.

Ставлю чемодан у двери спальни, возвращаюсь к машине. Там еще осталась большая пластиковая сумка, она куда тяжелее чемодана. Спасительная сумка. Полсотни банок с консервами, рис, макароны и всевозможные хлопья. Я не скоро выйду из дома.

Хорошо бы поспать. Кажется, я устала, но от бессонницы мои биологические часы настолько разладились, что и насчет этого мне трудно что-либо утверждать. Я немного зябну. Поеживаюсь. Накидываю на плечи плед и решаюсь вытащить из сумки мобильник. Два сообщения от мамы. Письмо от нотариуса насчет завещания. Пропущенный звонок Анны. Проверяю, есть ли связь, — есть, и не такая уж плохая, — и решаюсь перезвонить. Больше ничьих голосов я слышать не могу, только Анны. Потому что она — его мать. Потому что у нас с ней общее горе.

Я опасаясь, что она не возьмет трубку, для нее, наверное, уже поздно, но она отвечает после второго сигнала.

— Аманда, я ждала твоего звонка.

— Я разбирала вещи.

Я вру. Она об этом догадывается, но не обижается.

— Ты приехала еще засветло?

— Да.

— И как тебе дом?

— Я останусь здесь. Я подписала бумаги.

Она и на этот раз не высказывает никаких замечаний насчет безрассудного решения, которое я приняла всего несколько дней назад. Моя собственная мать не постеснялась бы. А она просто спрашивает:

— Тебе там хорошо?

Нет, мне не хорошо. Мне нигде не хорошо. Но здесь, может быть, не так плохо, как в других местах, и потому я говорю: «Да». А потом спрашиваю:

— Ты заходила в квартиру?

— Нет еще.

Я догадываюсь, что она так же, как я, боится туда войти, и мне это понятно. Слишком мало времени прошло.

— Мы сходим туда с Ришаром.

— Так лучше.

Долгая пауза. Я не знаю, что еще сказать, она тоже. Наконец она спрашивает:

— Хочешь, я там сделаю уборку, наведу порядок к твоему возвращению?

— Незачем.

— Ты серьезно?

— Не думаю, что я туда вернусь.

Слышу, как она сглатывает.

— Хочешь, я сдам ее? На время?

Она все еще уверена, что рано или поздно я вернусь в наш дом. А я знаю, что больше никогда не смогу там жить.

— Тогда ты не будешь терять деньги каждый месяц... Ты же теперь платишь и за жилье в Оверни.

— Да, ты права... Можно и так.

Я полагаюсь на Анну. Несмотря на горе, она способна ясно мыслить и трезво рассуждать.

— Могу заняться этим на днях.

— Хорошо.

— Ришар в среду пойдет к нотариусу. Тебе не придется никуда ехать.

— Спасибо.

Я сдерживаю то, что вот-вот готово прорваться. Они такие заботливые. Я не хочу прямо сейчас расплакаться.

— Если тебе станет тоскливо и одиноко...

— Я знаю, Анна.

— Позвони нам.

— Непременно.

— Не уходи в это с головой.

Я не знаю, что ответить. Она беспокоится и предостерегает меня. Сглотнув, отвечаю единственное, на что меня хватает:

— Я, наверное, попробую немного поспать.

— И правильно, отдыхай. Мы скоро опять созвонимся, да?

— Конечно.

Я проспала пару часов, с полуночи до двух, а потом опять сна ни в одном глазу. Мой мозг не поддается, отказывается на несколько часов отключиться и дать

мне необходимый отдых. И вот так уже восемнадцать дней.

Брожу по дому. Расставляю банки с консервами в шкафчиках, это занятие не дает слишком задумываться. Замечаю в гостиной старый календарь. Никто не снял его со стены после смерти мадам Юг, даже ее дочь. Там какие-то записи. Снимаю календарь. Мне здесь не требуются напоминания о том, что время течет. Уже не надо. И потому я придвигаю стул к противоположной стене, к старым часам с нарисованным на циферблате букетом розовых цветов. Часы показывают половину третьего ночи. Хозяйка скончалась, а батарейки живы. Стрелки продолжают медленно вращаться, они чуть ли не дразнят меня, показывая, что время продолжает идти, что жизнь не прекратилась. Это неправда. Жизнь прекратилась. Я снимаю часы со стены и бросаю на пол. Я не хотела их сломать, не хотела быть грубой, но циферблат разбивается на куски, стрелки гнутся. Одна из них отлетает под шкаф, туда, откуда ее уже никто не достанет. Нет больше часов и минут. И дат. Теперь есть только *скоро* и *позже*. Нет больше дней, и ночей тоже. Только я в этом безмолвном доме и мое горе.

Три солнца сменились с тех пор, как я внесла в дом чемодан и сумку и закрыла дверь. Я смотрю на них сквозь ставни, на эти солнца, озаряющие жизнь снаружи. Между деревянными планками есть узкие щелочки, только-только чтобы подглядывать за летом. Я ни разу

не выходила за порог, даже ночью. Не чувствую потребности. Я спала, кажется, раз или два. Несколько часов. Меня не мучили кошмары — уже хорошо. Думаю, мой мозг слишком устал для того, чтобы снова показывать мне изуродованное тело Бенжамена.

На небе четвертое солнце, в дверь стучат, и я сначала пугаюсь. Полный идиотизм. Я заперлась здесь, я в безопасности. Но я боюсь. Боюсь открывать? Боюсь яркого света? Боюсь оказаться с кем-то лицом к лицу? Не знаю. Снова стучат, и мне приходится медленно двинуться по коридору, который кажется бесконечным.

— Да?

Я не открываю. Стою за дверью в ожидании ответа.

— Добрый день, я из компании «Фибренет». Нам сообщили, что в доме теперь живут. Вы не могли бы открыть?

Не знаю. У меня вдруг перехватывает горло, мне тревожно.

— Мадам? — снова окликает он.

И я открываю. Сама не знаю почему. Свет слишком яркий, слишком резкий, мне приходится на несколько секунд закрыть глаза, чтобы к нему приспособиться.

— Извините за беспокойство, я сотрудник компании «Фибренет». Мы предлагаем подключение к интернету, скорость десять мегабайт. Агент по недвижимости в соседней деревне сказал мне, что вы только что переехали сюда.

Пятна перед глазами тают, и я вижу этого человека. Мой первый посетитель с тех пор, как я здесь заперлась. Маленький, коренастый.

— Могу я на несколько минут войти, чтобы рассказать о нашем предложении?

Его машина во дворе — белый фургон, на котором красным написано название компании. Проследив за моим взглядом, он прибавляет с легкой улыбкой:

— Это не мошенничество, мадам, вот машина моей компании. Я подключил к интернету ваших соседей, которые живут на восемьсот метров ниже. Они вам подтвердят. И даже скажут, что они довольны, связь неплохая... Я имею в виду — для этого места.

Говорит, а сам тем временем ставит ногу на крыльцо. Думает, я не замечу. Кладет руку на дверной косяк, готовится войти, но я качаю головой.

— Нет, меня это не интересует.

Он некоторое время разглядывает меня насупившись. Не знаю, что он видит перед собой. Наверное, слишком бледную молодую женщину с невымытыми светлыми волосами, в одежде, которая на ней болтается. Я не думала, что можно потерять столько килограммов за двадцать два дня.

— У вас, может быть, есть мобильный интернет. — Он делает еще одну попытку. — Мы предлагаем пакет, включающий мобильную связь и модем.

— Нет, мне этого не надо.

Он смотрит на крышу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru